

От автора

Ну, вот мы и встретились опять, дорогой мой Читатель. Надеюсь, что ты уже познакомился с Филином и его командой, прочитав книгу «Филин. Сделать невозможное», и помнишь о том, что было написано в самом ее конце.

Да! Автор, твой покорный слуга, сказал тогда, что этот парень все еще жив, бодр душой и телом и... Продолжает свой путь. Путь солдата... И, может, это предначертание господне... Кто знает?! И этот парень продолжает идти через эти тернии... Падает и встает, теряет друзей на этом пути, разочаровывается в людях и... Все же верит в них!.. Потому что не может быть иначе, потому что еще остались и ждут своего бывшего командира его боевые братья, команда Филина. Те, кто остался...

Мы расставались с Андреем, капитаном-пенсией ОН «Витязь» Проценко, а в узком кругу краповых беретов — Филином, в 95-м, в апреле, когда он со своей семьей на борту теплохода «Дмитрий Шостакович» отчалил от причала родной Одессы, направляясь в Израиль...¹

¹ События, описанные автором в книге «Филин. Сделать невозможное».

Сегодня на дворе 2004 год, осень...

Ты думаешь, что Андрей разжирел, растолстел на заморских харчах и перестал быть тем Филином, которого ты уже знаешь? Ты не прав! Филин остался Филином, с тем же обостренным чувством справедливости, с тем же непримиримым отношением к злу, подлости и обману!.. Наш капитан остался все тем же воинственным, бескомпромиссным солдатом... Хоть и постарел немного, чего греха таить... Без малого десять лет прошло... Но он остался все тем же балагуром-одесситом, неисправимым оптимистом и душой любой компании. И хоть пометало его за эти годы по «глобусу», всегда и везде он, если была такая возможность, брал в руки гитару и пел... Пел! «За Одессу», о любви и о тех боевых братьях, деливших с ним судьбу в Афгане, Фергане, Абхазии и Карабахе... И эта светлая грусть помогала ему выживать тогда и теперь... Все эти годы вдалеке от Родины...

Я так долго маялся по свету,
Все чего-то нового искал.
Но не понимал, что кухня эта
Для меня единственный причал...

Пролог

22 апреля 1995 г.

— Андрюша... А может, передумаешь? Ведь не поздно еще — «Шостакович» отходит только через три часа...

— Поздно, ма... Уже давно поздно...

— Отпустил бы ты их в этот Израиль... — Пожилая женщина кивнула головой в сторону своей невестки Ани и внучки Машеньки, четырехлетнего карапуза. — Аня... Ну, что Аня... Найдет себе кого-нибудь, ведь молодая еще. Сколько ей там, всего-то двадцать пять! Она ж «к себе на родину» едет!.. А Машенька... Так сейчас уже не те времена!.. И они смогли бы к нам приезжать, да и мы... И ты... Смог бы к ней ездить... Денег хватило бы — ты ж сидеть не будешь на месте! Или зря, что ли, этот «Белый парус» на ноги ставил?! В последний год вон как хорошо жили! И им бы помогал отсюда...

— Нет, ма, больше «Белого паруса»...

— Как нет? А Игорь твой где тогда «генеральным директором» остается? Я же сама этот приказ на машинке печатала, да и другие документы видела!

— Если бы ты знала, ма, сколького ты не знаешь!..

— Ведь не будете жить!.. Ты не сможешь! Ты чужой там, сына!

— Может быть, ма, все может быть... Теперь все может быть...

— Сколько ж нам с отцом ждать-то тебя, Андрюша? — Пожилая, утомленная жизнью женщина заплакала.

ла. — Сначала из армии твоей ждали, теперь из Израиля... Не молодые уже мы, сына, дождемся ли?..

Ах, какие это были слезы!!! Таким слезам позавидовал бы любой солдат. Да что там любой! Любой из группы Филина!.. А уж эти-то ребята знали цену слезам...

Мама Аня, как ее любовно называли все друзья Андрея, плакала тихо, по-мужски, по-солдатски, без всхлипов и вздохов. Просто... Из ее глаз катились молчаливые, горькие слезы, большие такие, огромные прозрачные капли...

— Из армии ждали... Только и знали, что по госпиталям ездить... Отец, вон, после твоей Ферганы в две недели седым стал...

— А ты?

— А я еще после Афганистана... Тогда и волосы красить стала, чтобы на работе дурных вопросов не задавали...

— Простите меня, ма...

— Да, это!.. Ты тогда сам себе профессию выбирал... Нам оставалось только ждать и надеяться... А теперь-то что? Аня?..

— Что, ма? Что?! Гуляет? Знаю... Так уж вышло...

— Ну и отпустил бы!

— А Маська? А я?

— Только не говори мне, что не нашел бы, где «голову на подушку притулить»! Знаю я тебя — чай, не ангел в белом!..

— Аня! Оставь его в покое, в конце концов! — рявкнул вдруг всегда спокойный и уравновешенный отец Андрея, папа Леша, сидевший на соседней скамеечке, — видно, нервничал старик. — Он давно уже мужик! Офицер! Наград, вон, до пупа!.. Давно привык сам решать! Посмотри, какие мужики под его командой служили!.. Ты это понимать должна! Раз решил ехать — значит, так надо... Не на всю же жизнь...

— Вы, бля! — Интеллигентная женщина срывалась на мат крайне редко, да и то только при сильном волнении и только в их узком семейном кругу. — Мужики, мать вашу!.. Решают они, бля!..

— Ма! Не ругайтесь! — Андрей не мог не вмешаться. — Я уезжаю не просто так...

— И шо ж тебя туда гонит? Сладкая жизнь?

— Зря ты так, ма... Знаешь ведь — я такой жизни никогда не искал... Легкой.

— А какого ж тогда? Если твоя семья и так развалилась почти?

— Ма... В нашей семье сидел кто-нибудь?

— Где сидел?

— Там!

— Нет... — Женщина непонимающе уставилась на сына. — Сам знаешь...

— Знаю... Потому и не хочу портить семейную традицию.

— А ты что?..

— Лучше быть «невозвращенцем» из Израиля, чем ээком... Если еще им дадут статью...

— Что значит «дадут»?.. Ты что...

— Я сейчас, ма, выбираю меньшее из двух зол...

— Наворотил что-то в своем ресторане, теперь бежишь!

— Я никогда ни от кого не бегал, ма! — Андрей задумался на секунду. — Просто иногда бывают такие ситуации, когда умнее отступить и даже спрятаться, для «меньшей крови»... Поверь уж моему офицерскому опыту... Вот я и отступаю.

— Что ж ты такое...

— Да уж наворотил...

— А твой Коля? Он помочь не может?

— Это он предложил мне этот «вариант» как самый «бескровный».

— Ты что, убил кого-то, Андрюша? Господи!..
— Перестань, ма! Все хорошо... Будет.
— Когда же уже, наконец!..
— Скоро... Поживу там, в земле обетованной, го-
дик-полтора и вернусь...
— Все вместе?
— А вот это уже, ма, думаю, и сам господь не знает...
Но я вернусь — это-то точно!

— Дай-то бог!..
— Иди, Андрей. Иди, сын, — опять прорезался папа Леша. — Прощайся со своими друзьями... Кто знает, доведется ли еще свидеться?.. Да и тетка вон твой ковыляет, бедолага... А мы тут с матерью посидим, по-стариковски, да посмотрим на вас издалека... Войки... Мать вашу...

Ах, как прав был тогда его отец!

Папа Леша тоже был разведчиком... В далеком 41-м десятилетний пацаненок пришел в партизанский отряд, да так и провоевал разведчиком полных четыре года. А медаль его нашла только в 92-м, через 47 лет после окончания войны!.. Преступников, объявленных во все-союзный розыск, находили быстрее, даже самых отпетых — максимум лет за десять... Видать, они были нужнее этой власти, чем пацаненок-разведчик, которого наградили-таки, на 61-й год от рождения...

Провидцем был его отец...

Двоих боевых братьев из своей группы Андрей больше не увидел никогда — Змея и Тюленя.

Они были единственными, кто после всех коллизий не нашел свое место на «гражданке» и остался служить в уже Российской армии. Да так и остались в ее рядах навсегда...

Первый погиб в Сербии через год, в 96-м... Второй — в Чечне в 97-м, через два...

ЧАСТЬ I

12 июня 2004 г. Израиль... 00.40 ночи...

«Как же все это начиналось?» — Андрей опять был наедине со своими мыслями.

Его суровое лицо было освещено голубоватым светом компьютерного монитора. Это свечение было единственным в этой, такой большой и такой чужой ему, квартире — его полуторагодовалый сын, его Максимка, уже давным-давно смотрел свои цветные детские сны, смешно сопя в нос и чмокая губами, а «мамамы», как про себя называл их Андрей, в кругу своих очередных гостей допивали, судя по воплям, вторую бутылку «белой», закрывшись от него в «маминих апартаментах» и отгородившись стеной отчуждения... Так продолжалось вот уже четвертый месяц...

Андрей опять был один...

Одинокий «пес войны»...

Обретший наконец-то такого долгожданного сына...
И «семью»...

Опять один на один со своими мыслями и воспоминаниями...

«Терпи, солдат! Уже немного... Сам же ведь учил других — солдат сначала бежит сколько может, а потом — сколько нужно!.. Так что... Терпеть!.. Еще немного... Уже и билет на руках, и все проблемы с документами решил... Еще три недели, и все... А все ли?.. 6 июля твой самолет взлетит, унося постаревшего Филина в Одессу... Девять лет. ДЕВЯТЬ!!! Как отсидел по 102-й за

то «мочилов» в 95-м... Одесса! Одесса!!! Домой... Дай-то бог... Чтобы все наконец-то так и случилось... Девять лет! Тебе, Филин, уже почти 37... А сколько всего было за эти годы!.. Мама дорогая!.. Сколько всего произошло!.. Знать бы тогда, у трапа «Шостаковича»!.. Унижения, работа, как у раба... Та стройка, на которой ты разбился, упав в шахту лифта с 12 метров... На бетон... Спасибо «Витязю» — выжил... Летел спиной, а приземлился на «четыре точки», как кот, вывернулся в полете... Только морду на бетоне «оставил» да колено, то, которое еще в Афгане осколком пометили, разбил... В кашу... Операции... 3 месяца в коляске... Инвалидность... Но!.. Встал же! Потом заводы... Работа на пределе... Развод с Аней... Спасибо тебе, господи, что отвел тогда мою руку от нее и двоих ее «друзей», когда застал их в своем доме... И... Легион... «International France Legion»... И опять служба. Только теперь... Для кого и за что? А чем было еще заняться?! Только теперь... Братство «Диких Гусей»... Soldiers of fortune... А какие неожиданные встречи случались! В джунглях Латинской Америки, Африки, в заоблачной выси Тибета — вспомнить, и то жутко!.. Некогда огромная, сильнейшая держава обнищала вмиг, да и выбросила за ненадобностью из своей армии «постаревших» ее «ветеранов» под видом сокращения ВС. Да только не подумали Большие Лампасники о том, что этим, тридцатилетним по большей части или немногим более того, мужикам податься-то и некуда! Именно они, рожденные с 62-го по 68-й, надевшие офицерские погоны, и были теми «ремесленниками» войны, которые не успели получить два просвета на погоны¹ и потому «от-

¹ «Старший офицерский состав» — от майора до полковника. Для тех, кто не знаком с армейской иерархией: «младший офицерский состав» — один просвет на погонах — от лейтенанта до

кушали» вместе со своими солдатыками все, что предложила им «откушать» Родина в смутное время перестройки... А потом... Потом, не сказав спасибо, отправила на нищенскую пенсию — «младший оф. состав»... И не учла того, что они, профессионалы войны, более как стрелять, толком-то и не умеют ничего... Тарас породил своего сына, а убить не сумел — перестроился, демократизировался... И пошли его сыны, обиженные невниманием и презрением, по миру счастье искать да опыт свой бесценный предлагать... И нашли свое место... «Солдаты удачи»... И Филин не стал исключением, чего скрывать-то... И опять с «оптикой»... Дай-то бог, чтобы все наконец-то закончилось! Пусть так и случится! Господь — велик! Он не оставит меня... Молю тебя, господи, на тебя уповаю, на милость твою и благодать!..»

Андрей перекрестился на крохотную, в пол-ладони, иконку, посмотрел на святые лики Иисуса и Девы Марии и...

Опять углубился в свои мысли...

«...Девять лет! Кто бы мог сказать тогда, в 95-м, что все пойдет именно так, как пошло? Кто знать-то мог! Девять лет! Добровольная тюрьма... — Он вздохнул тяжело. — Может, и права была мать, когда говорила остаться? Да только... Кто о том знать может?.. Да уж: «Нам не дано предугадать». Ну, ничего... Скоро уже, очень скоро! Пацанов своих увижу! Пацанов... Им всем уже за «сороковник» перевалило, пацанам-то... Девчонки... Синичку, Прапорщика, а вот Амазонку вряд ли — времени не хватит... Какие они теперь, мои такие дорогие до сих пор и такие далекие «боевые подруги»?..

капитана (были и такие «вечные капитаны», которые могли дать фору в оценке тактической обстановки любому генералу), и «высший оф. состав» — от генерал-майора и дальше, до бесконечности... (От автора.)

Э-эх-х!!! Жизнь!.. А там... Максимку буду на ноги поднимать... Всего-то и есть у меня две недели надышаться Одессой за все девять лет — возвращаться все же придется. Да уж... Лина вернуться в Одессу никогда и ни за что не согласится, разве что стану миллионером в одночасье. У Максимки по документам нет отца: статус «матери-одиночки» — очень выгодный статус...»

Андрей улыбнулся грустно, вспоминая мордаху спавшего в соседней комнате сына.

«Вот так, господин, теперь уже трижды, капитан¹. — Андрей погладил пальцами две «шпалы», означавшие звание «сарпан», на легионовском берегу. — Ты как фантом, добрый ангел — трудишься для семьи, деньги носишь, а тебя нет! Ну, ничего... Главное, чтобы Максик здоровым и умным рос! А жизнь... Она потом все на свои места расставит — кто прав, кто...»

Андрей закурил сигарету и откупорил очередную банку пива. Десяток таких же, но уже опустошенных им, стояли тут же, на тумбочке, стройным рядочком — сегодня его почему-то не забирал этот пятиградусный алкоголь, а уподобляться своим соседям за дверью и жрать водку Андрей не хотел принципиально... Да и не в одиночку же ее пить! А пиво, что... Пиво можно. Под мысли...

Он вдруг улыбнулся и приложил ладонь, отдавая честь, к жившему в его памяти краповому берету:

«Парад! Р-равня-айсь!!! С-смир-р-но-о!!! Р-равнение на с-средину!!!»

И улыбнулся пивным банкам, стоявшим аккуратным армейским строем в две шеренги...

Ностальгия...

¹ «Дважды» капитаном он был еще там, в отряде. (Книга «Филин. Сделать невозможное». — *От автора.*)

«...Как же это было? С чего началось? — Андрей потер шершавой ладонью свой лоб. — Наверное, тогда... С задней палубы «Дмитрия Шостаковича», 22 апреля 1995-го...»

АНЯ

22 апреля 1995 г.

Трамвайчик Одесса—Хайфа...

Трамвайчик... Так называли это судно — «Дмитрий Шостакович»...

В последних три года «Шостакович» ходил только по этой линии, Одесса—Хайфа, перевозя в своих комфортабельных и не очень каютах туристов в Израиль. Но по большей части тех, кто навсегда уезжал с «доисторической Родины» на «историческую», в Израиль. Нет, можно было бы, конечно же, и самолетом — два с половиной часа, и ты уже в Израиле... Меньше, чем до Москвы... Но... Для тех, кто попроще, везти свое нажитое барахло на трамвайчике, где разрешался груз в 150 кэгэ на человека, или на самолете, где разрешенных было всего-то 50, имело, наверное, огромное значение. Тем более что разница в стоимости билетов была всего-то в 50 «вечнозеленых» американских рублей... А если такая семья состояла из 4 человек, то появлялась возможность вывезти своего скарба на 400 кэгэ больше... Сколько же потом Андрей видел этих фанерных «контейнеров», так и не вскрытых годами... Но это было потом...

Для Андрея трамвайчик имел другое значение...

Ему казалось, что самолет обрубал все концы с Родиной...

А он...

Ах, как же он не хотел ехать!.. В совершенно чужую, далекую для него страну. Где все, абсолютно все было не

так и не то, к чему он привык, в чем он вырос. Там даже писали иначе — справа налево!..

Андрей выбрал трамвайчик, чтобы посмотреть в последний раз — ведь никто не знает, как оно там будет впереди, — на свою, начавшую расцветать по-весеннему Одессу... Чтобы на всякий случай запомнить навсегда этот родной город во всей своей весенней красе.

И еще...

Таким способом он наказывал самого себя... Хотя... Ни наказывать, ни винить самого себя ему было не в чем — он поступил так, как научила его нелегкая армейская жизнь... Обвинить его могли другие... И... буква закона.

Этот день был, наверное, самым тяжелым днем в жизни Андрея. Он уезжал со своей семьей в Израиль. Возможно, навсегда...

И теперь, глядя на уплывающую за горизонт Одессу, он вспоминал все, что было вот только сейчас, всего-то пару часов назад, на Одесском морвокзале...

...Проводить Андрея с семьей приехали не только его родители, но и вся его команда, все те, кто еще мог приехать: Медведь, Индеец, Змей, Тюлень, Сало, Док, Бандера. Они опять, как много лет назад, были вместе...

Пришел, конечно, и Николай Караманов, Монах...

...— Ты, это, командир, не забывай нас... Ладно? — смущаясь, прогудел Бандера, их безмозговая пробивная сила в пиковых ситуациях.

— С ума сошел, Санек? Кого же помнить-то еще, если не вас?

— А мы, если надо будет, и там соберемся, поможем, если что, — подхватил Змей. — Че тут лететь-то? До Москвы дальше...

— Ладно, Леша, я надеюсь, что мне от вас одна по-

мощь нужна будет — пару пузырей водоньки скушать, а то ведь один не потяну.

— Ну, это всегда пожалуйста, — засмеялся Сало. — Только свистни!

— Пацаны, ну-ка, смотрите, кто идет!

К ним приближался, опираясь на палочку, бравый капитан Андрюха Ошека, Слон.

— Слоняра! — Друзья стали тискать в объятиях своего боевого побратима. — А про звездочку ничего не сказал!

— Позавчера приказ пришел, вчера объявили...

— А обмыть?!

— Все есть, пацаны! — Слон достал из целлофанового пакета десяток одноразовых пластиковых стаканчиков и две знакомые зеленые армейские фляжки.

— Шило? Как в старые добрые времена? — спросил Андрей.

— Как у нас положено, мы ж не кабинетные! А что, командир здоровьем ослаб?

— Да какой я тебе уже командир, Андрюха?! Ты уже и в звании со мной сравнялся, только служишь до сих пор, а я вон в Израйловку уезжаю! Еще пару годков, и в полковники пойдешь, а я так навсегда и останусь капитаном, пенсионером... Да!.. А со здоровьем все в порядке, наливай!

— Не прав ты, Филин, потому что я рядом с тобой всегда буду твоим сержантом и замком... И не важно все остальное... Так жизнь распорядилась...

Слон снял китель, отковырял с погон две маленькие звездочки и бросил их в один из стаканчиков, наполнив его до краев «спецназовским» питьем. И они пустили этот стакан по кругу, отпивая по глотку спирта, так же, как когда-то обмывали офицерские звездочки Филина...

— Слышь-ка, командир, а эта калоша «Дмитрий

Шостакович» не булькнет где-нибудь в море ластами? — волновался захмелевший немного Медведь. — Обидно будет!

— Да вроде не должна...

— Я те че сказать-то хотел, братишка! Ты там посиди годик, да и возвращайся. Мы же себе работу везде найдем, таких спецов с таким опытом везде с руками оторвут, но здесь-то Родина! А там что?.. Да и пацаны всегда рядом — случись чего, меньше суток надо, чтобы собраться по «трем тройкам»... Когда волна пройдет, ты и возвращайся. Так, Монах?

— Так, Игорь, так! — подтвердил Николай.

— Ладно. Не тереби душу, и так погано.

— И еще! Себя не теряй! Помни, кто ты есть в этой жизни, Филин! Как говорится: «Евреем можешь ты не быть, но человеком быть — обязан!»

...«Дмитрий Шостакович» увозил семью Андрея... Через три дня они будут в Хайфе и... начнется новая жизнь...

А сейчас...

Сейчас Филин сидел на задней палубе пассажирского судна и плакал... Он смотрел на любимый, медленно удаляющийся город. Он вспоминал все слова, которые были ему сказаны. Он смотрел на зажатый в кулаке краповый берет. И понимал, что вот прямо сейчас, в этот момент умирает половина его души.

И ком в горле...

И слезы, которые он не мог, да и не хотел сдерживать...

И крик...

Крик дикого раненого зверя. Такой, что волосы на загривке дыбом и мураши толпой вверх-вниз по спине от затылка к копчику... Да только крик этот слышал он один. Потому что кричал молча... Потому что так делал

всегда — «моя боль — это моя боль!» Потому что был Филином...

Он уезжал от обстоятельств, но не от себя...

«Ничего! Я еще вернусь, моя Одесса! Не зря же у меня это написано на плече! Вернусь! А пока проживем там, где есть возможность. Тебе не привыкать. Ты же Филин!..»

...— У вас все в порядке?

Андрей взглянул на голос, резко повернув голову. Как и всегда, собственно говоря, — *привычка*, говорят, *вторая натура*, а уж эта-то привычка въелась намертво в его подсознание еще со времен отряда.

Рядом с ним стояла настоящая одесситка, и это было заметно... Почему заметно? Еще в пушкинские времена было сказано, что самые красивые девушки в России — с Таврии.

А уж одесситки!..

Александр Сергеевич, будучи в Одессе в ссылке (это ж каким нужно быть идиотом, чтобы сюда(!) сослать в наказание!), отмечал, что красивее и загадочнее женщин, чем одесситки, не видывал нигде более на Руси, потому, видимо, что в венах их течет не кровь, а настоящее, крепкое и терпкое вино, созревшее в венах греков и евреев, украинцев и молдаван, киприотов, турков, французов и «макаронников»...

И был прав.

Девушка, стоявшая около плачущего Андрея, полностью соответствовала строкам великого поэта.

Она была хороша... Всем! Эдакая еврейско-хохлушная одесситка... Коренная, не иначе, да не в одном поколении...

...— отвали.

— Это грубо, — надула губки-бантики девушка. —

Я ж не как другие пристаю — просто увидела, что взрослый мужик плачет...

— Слушай, красуля, отвали, а? Дай с Родиной...

— А ведь и не видно уже!.. Все!.. «Мама» там осталась — здесь уже только море... Да я и не подошла бы раньше.

— Ну, и че? Че те? Отвали, а?!

— И так тоже можно... — задумалась девушка. — Но ведь вам же плохо!..

— Тебе-то что? — Андрея почему-то раздражала эта фурия. — «Хорошо-плохо», «плохо-хорошо»... Иди-ка ты, красуля, отсюда, займись делом... И не цепляй меня — не тот вариант... Погано мне на душе... Да и не один я — мои в кубрике обустройства... Так что...

— А хорошего пива с креветками, в пиве же сваренными, хочешь? — Она, как и любая другая «коренная», легко переходила на «ты».

— Ты кто? Афродита? Из пены пивной?

— Ага... Почти угадал... Я в баре работаю. Вот в этом. — Девушка, не поднимая руки, просто показала пальчиком. — Мы еще не открылись — рано. К нам в основном к полуночи начинают подтягиваться... Ну, знаешь — ночная палуба, море, звезды, свежий соленый воздух после кают... Тут ведь многие море только на карте да по телевизору видели... Романтику впитывают... Совместно с алкоголем... А ты еще в Одессе сюда пришел... И плачешь... А я смотрю — здоровый, крепкий парень, с семьей... А в каюту не пошел. — Она замялась немного... — Что? Так плохо?

Андрей внимательно посмотрел на девушку:

— Пиво, говоришь...

— С креветками!

— В пиве...

— В пиве!

— Ладно. Давай. А в душу больше не лезь — пошлю на известные три буквы без карты и не посмотрю, что красапета...

Девчонка улыбнулась, как-то очень по-одесски...

А может, Андрей уже тогда начал выискивать в лабиринтах жизни все то, что хоть немного напоминало ему о родном городе или только казалось одесским?.. Ведь если подумать, можно ли улыбаться по-московски, по-воронежски, по-новосибирски?! А вот по-одесски, оказывается, можно! С эдакой, едва уловимой лукавинкой в глазах, «ну-ну!», мол, «и шо ж ты там сейчас, красавец (с одесским ударением на последний слог), нам сейчас вещать-то будешь, не иначе, как про жизнь...»

— Не буду. Пока!.. А на те известные буквы я и сама могу — школа хорошая... Ну! Пошли, что ли?

— Кого послать? — прикинулся Андрей.

— Себя пошли! Так оно легче «встанет»...

— Жопа малолетняя... — сказал Андрей уже без злобы, а просто так, чтобы оставить за собой последнее слово.

Но такого шанса ему не дали:

— А что! Очень даже ничего жопка! — Она кокетливо погладила ладошками свою, так сказать, юбку (что касаето Филина, так он видел в этой юбке лейкопластырь, обмотанный немного ниже подбородка), плотно облегающую бедра, на том месте, о котором шла речь. — И не такая уж малолетняя!.. Тех в загранку не пускают! А только проверенные и надежные!..

— Жопы?!

— Ага! Жопы!.. Так что не боись, вояка! Все будет путем!..

— А тебе палец в рот не клади!

— А мне в рот вообще ничего класть нельзя — сгрызу по шею!.. — Она озорно сверкнула глазами...

Тем временем они подошли к барной стойке, за которой суетился молоденький парнишка, наводя последний марафет перед наплывом жаждущих охладиться и расслабиться после таможенного шмона глав сваливающих семейств... Нервы, понимаете ли... Их же беречь надо! Надо?.. А если не сумел сберечь, тогда поправить!.. А как? И чем? И где?..

Да какие проблемы, дорогой ты мой носато-кучерявый представитель Сиона?

1. Водочка. Куда ж без нее, родимой?

2. Закусон. Ну, это классика! Курочка жареная или копченая (все зависит от предыдущего благосостояния)... Солено-маринованости типа огурчиков, капустки, помидорчиков и грибков...

И...

3. Долгие, длиннющие, бесконечные разговоры о том, «чем ты там будешь?»...

...— Язычок у тебя, надо сказать... — Андрей все же попытался не уступить.

— А язычок в таких делах иногда бывает самым важным... Так что тренирую — вдруг пригодится!..

— Иди в задницу! — Андрей улыбнулся впервые с того времени, как поднялся на палубу трамвайчика.

Таким родным и «до били» знакомым веяло от этой девушки, что не улыбнуться было невозможно... Одесса! Что и говорить... Здесь все и всегда говорили на грани дозволенных приличий, с таким же широким и глубоким подтекстом, как и их море... Одесситы!...

— Что-то я слона поблизости не наблюдаю! — Ему опять не оставляли шанса на последнее слово.

— А слон-то тебе на кой? — Он уже знал ответ, просто хотел еще раз «намазать бальзам на сэрцэ».

— А в чью же еще меня такую можно послать? Не в

твою же! У тебя, на глазок, калибр не тот! Размерчиком не вышел...

— Ну-у! Насчет размерчика — это ты зря...

— Может быть, может быть, — «задумалась» нимфа ненадолго. — Придется проверять... Потом... После пива с креветками...

— А почему потом?

— А пиво с креветками сильно укрепляет семейную жизнь... — прорезался паренек из-за стойки.

— Ладно, — сдался Андрей, уже откровенно ухахатываясь. — Давайте свое хваленое пиво с креветками в нем же. Отпробую, так и быть!

— На почин! — белозубо улыбнулась «пивная королева». — Меня Лана зовут!

— В смысле Лена?

— В смысле Светлана! Но мне так больше нравится.

— Ну, Лана так Лана.

— А тебя?

— Андрей.

— «Мужественный»¹, значит... Ну... В общем, подходит... Судя по «набитым» надбровным дугам, шишкам под глазами и на скулах, а особенно по костяшкам на кулаках... — Лана бесцеремонно рассматривала Андрея. — На бандюка по повадкам не похож, как и на спортсмена — те всегда пальцы веером ставят, хоть и по-разному... И не мент из какого-то СОБРа или ОМОНа — те тоже на «своих понтах» — силовики!.. Значит... Остается единственный вариант — военный. Причем не тот, который по кабинетам служил... И Одессу провожал, как будто навсегда, плакал... В общем, Андрей, с тобой все яснее ясного!..

¹ Андрей — древнегреческое имя, обозначающее в каком-то там переводе «мужественный». (От автора.)

— И какой вердикт? — спросил парень из бара.

— Этот дядя офицер скорее всего! Судя по тому, как он начал со мной разговаривать... Армия из него так и прет! Солдафон!.. Но... Уже некоторое время не служит, потому что научился шутки понимать. Жесткий, но отходчивый... И еще кое-что, по мелочи...

— И что это за «мелочь»? — Этот «экспресс-анализ» заинтересовал и самого Андрея.

— Думаю... Воевать приходилось, и не один день... И не в какой-то там пехоте-кавалерии — спецназ, не иначе! К гадалке не ходить!.. Думаю... Молодой пенсионер. Заслуженный и орденосный — как пить дать! И Одессу любит, за версту видно — значит, «наш»... В общем... Наш пацан! Сговоримся!..

— А ты не «конторская» часом? — напрягся наш герой.

— Я к этой, не уважаемой мной, организации никакого, слава богу, отношения не имею! — Она картинно обиделась.

— Ланка на психолога учится, а когда есть работа раз в месяц — ходит с нами на «Шостаковиче», — пояснил ситуацию паренек.

— Ясно, что ничего не ясно...

— Ну, так что, я права?

— Ну... В общем... — замылся Андрей и опустил глаза.

— Судя по твоей вазомоторике, я права, до последней запятой!

— Какой моторике? — Андрей сделал вид, что не понял.

— Глазки опустил, пальчики мять-хрустеть начал... Ведь тебя же учили этому — я уверена!

«Теряешь нюх, Филин! Ох, как теряешь! — подумал Андрей. — Такая ссыкуха тебя расшифровала за пять

минут!.. Расслабился! Мать твою! А ведь знаешь, что взгляд в «пиковых» ситуациях нужно отводить с лица собеседника вверх и вправо, что является подсознательным подтверждением твоей правоты, и руки свои «не трогать» — это выражение беспокойства и нервозности... Права пигалица, учили тебя этому, долго и упорно... А вот она выучилась лучше, как видно!.. Двойка тебе, капитан! Хотя, нет! Не двойка и не «кол»! Ноль!!! Если бы ты себя так же у следака повел, тогда все — готов к употреблению! «Вышак» «отломился» бы, как пить дать! Там не такие доморощенные психологи сидят, а настоящие профи! А хороший «легалый» все равно раскрутил бы все! А потом... Человек, «удвухсотивший» практически весь воровской верхняк города, из которого два законника, до суда дожил бы вряд ли — всех не «сработашь», а эти шакалы таких вещей не прощают...»¹

— Ты что-то взглядом посмурнел, — проговорила «психолог». — Значит, я права!..

— «Holsten» вижу, а кровати-то где? — ушел от ответа Андрей. — Или это была так, замануха? Понт для приезжих?

— Еще три минуты, — вскочил паренек. — И все будет, как обещано!

— Ну и хорошо...

— Ну, так как?

— А ведь обещала в душу не лезть...

— Ладно, больше не буду... Потому что и так знаю, что права!

— Ну и знай себе! Только тихо, «в тряпочку»...

...Кроватки оказались огромными. Те, которые «леопардовые». И вкус этого деликатеса показался Андрею абсолютно неподражаемым.

¹ Книга «Филин. Сделать невозможное». (От автора.)

— Слушай-ка, парень из бара...
— Меня Сергеем зовут, — ответил парень.
— Отлично! Вот и познакомились! — констатировал этот факт Филин. — Ты что, действительно их в пиве варил?

— Ага!

— Брешешь, небось! Как сивый мерин!

— Чего это? — вскинул брови Сергей.

— Пиво, если его нагреть, пенится! Не зря же его рекомендуется охлаждать перед употреблением, иначе получится натуральное мыло! Так в чем же ты сварил этих монстров? — Андрей держал в пальцах здоровенную креветку, не уступающую по размерам куриной ляжке.

— Это секрет фирмы!

— Моча тоже пенится, если нагреть... — задумчиво произнес Андрей, продолжая развивать тему.

Взрыв дружного хохота барменов на секунду оглушил.

— А ничего, а? — смеялась Лана. — Как, Серый, наш человек?

Сергей смог только кивнуть в ответ, давась смехом и обнимая свой живот.

— Не отшибла у тебя твоя армия чувство юмора — это хорошо!

— Да с чего ты, бля, взяла, что я имею к армии хоть какое-то отношение?! Во, бля!

— Не «бля», а честная давалка! — тут же среагировала Лана.

За нее ответил Сергей.

— А у тебя на лбу написано! — произнес он, понемногу успокаиваясь. — Огромными такими буквами, на манер транспаранта: «Я — армия!»

— Поясни!

— Вот-вот! Именно это! «Поясни!», и все! Понят-

но, лаконично и требовательно! В виде приказа... При тебе хочется встать по стойке «смирно!» и тут же отдать честь... — сверкнула «голливудскими» зубами Лана. — И болвану понятно, что офицер, по замашкам! Настоящий, кхм-м... Ну, полковник — это нет, конечно же! Годками не дорос! А вот капитан по возрасту, пожалуй!

Видимо, было во взгляде напрочь обалдевшего от этой тирады Андрея что-то такое, от чего девушка засмеялась еще громче:

— Серый, смотри! Я даже звание его угадала! Ай да я!

— Ай да сука! — в тон ей продолжил фразу Серега и обратился к Андрею: — Умна, а?

— Умна... И до сих пор жива... Странно!..

— Одесса...

— А еще, Андрюшенька, на тебя гляючи, ничего другого в голову и не приходит.

Андрей пристально посмотрел на продолжавшую довольно хихикать девушку и... По-кавказски обратился к мужчине:

— Давай, раскрывай карты или больше к вам не приду!

— Придешь! Куда денешься?! — вынесла свой окончательный приговор девушка. — Вы, вояки, все пиво любите!

Андрей безмолвно игнорировал выпад девушки, в упор уставившись на Сергея.

— Ладно, не дави! Тут и психологом-то быть не нужно! Ты на себя посмотри!

Андрей «посмотрел на себя» и ничего не понял...

— Да и не понять тебе, капитан! У тебя это в крови уже, потому и не видишь...

— Не тяни kota за яйца!

— Ладно...

— А для тебя это важно? — спросила Лана.

— Понять хочу...
— И от кого-то snyкаться?.. — предположил Сергей. Андрей промолчал, «прицеливаясь» в переносицу бармена.

— Не дави на него, дядя! Серега просто отвечает на твой вопрос!..

— Ты — спецназ!..

— Да почему спецназ-то?!

В этот момент Сергею пришла на помощь Лана:

— Ты сначаланими свой «рябчик» и надень что-нибудь более гражданское, типа обыкновенной футболки или майки, — вступилась за своего напарника Лана. — Я от кого-то слышала, что вы ее «душой» называете... Так вот и спрячь «душу»!..

Андрей посмотрел на свою старенькую, еще со времен отряда, летнюю майку-тельняшку, носить которую для него было так же естественно, как, скажем, трусы и брюки... Ну а так как ничего более выносливого и надежного, а главное, более «всепогодного» из нижнего белья, чем армейский «тельник», он не знал, то...

— А заодно и «гюйс»¹ прикроешь... — Она ткнула пальцем в левое плечо Филина. — Тут и институтов кончать не нужно, чтобы по-английски прочесть «Special Forces» — школьная программа, седьмой класс, вторая четверть...

¹ «Гюйс» — это вообще-то военно-морской термин, означающий «вымпел корабля». Но!.. Им широко пользовались и в различных спецназах Советской армии. (Как и многими другими... Ну, к примеру: «кубрик» — взводная казарма, «палуба» — казарменный коридор, «баночка» — прикроватная тумбочка, «лагуна» — кастрюля, выдаваемая армейскими поварами из расчета на 10 человек, «чумичка» — половник, прилагаемый к лагуне, и т.д.)... Как и когда это пришло из морфлота в спецназ, уже не помнит, наверное, никто, но!.. Морпехи свой шеврон (кстати, в виде круга, обшитого по «борту» красным шелком, в отличие

— Хорошо же шагнул вперед в нашей школе уровень обучения английскому языку... — пробурчал Андрей.

— А вот «Victory or Death» — это уже «повзрослее» будет...

— В каком смысле?

— «Победа или смерть»... — Девушка задумалась. — Такое мог «написать» на своем плече только человек, абсолютно уверенный в своей силе и правоте, или тот, кому уже все по фигу...

— Психолог, бля...

— Бля не бля... А вот твоя вторая «вывеска». — При этих словах Андрей непроизвольно зыркнул на свое правое плечо. — Ага, именно она!.. Окончательно завершает картинку — Я еще вернусь, моя Одесса! Такое ни один человек в здравом уме колоть не станет, если его на то не вынудили «особые» обстоятельства...

— Вот тебе и все объяснения, спецназ! — продолжил Сергей. — Да еще и берет армейского образца в руках мнешь, малинового цвета... Вы хоть и секрет сплошной, но, что такое Краповый Берет, и до «гражданки» слухи доходили... Слышали про вас... Спецы...

— А ты, говоришь, где учишься? — Андрею было скверно на душе от того, что его так легко, играючи, расшифровали два простых бармена. «Или не простых?» — Что-то я не слыхал о том, чтобы в нашем медине на психологов учили! На психиатров — да! А на психологов...

от всех остальных в ВС СССР, имевших форму щита с желтой окантовкой) — желтый якорек на черном фоне, нашитый на левом рукаве своего «камуфляжа», — называли, да и называют до сих пор, именно так — гюйс («флаг корабля»)!. Наверное, именно от них, от ихтиандров армейских, это понятие и попало в сухопутный спецназ... Кто знает?.. Но факт остается фактом! Шеврон называли гюйсом... А у Андрея он был выколот на плече... Как и у всех краповых, сумевших получить берет, — это было знаком причастности к армейской элите. (От автора.)